STUDIA UNIVERSITATIS MOLDAVIAE
Revista științifica a Universtității de Stat din Moldova, 2023, nr. 10(180)

CZU: 821.135.1-31.09 **https://doi.org/10.59295/sum10(180)2023_14**

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ МАРИНА МИНКУ «ДНЕВНИК ДРАКУЛЫ»

Олег ТАЛМАЗАН,

Государственный университет им. Алеку Руссо

Роман представляет собой дневник Влада Дракулы, содержащий воспоминания детства, переписку с Папой Пием II, рефлексию, афористичные высказывания о мире и многое другое. По фабуле романа дневник был написан на средневековом валашском языке, но текст романа создавался на современном литературном итальянском (тосканском) языке и только через 14 лет был переведён на современный румынский язык. Разумеется, подлинность дневника - условность, которую читатель должен принять на веру, ибо роман не является историографическим исследованием и нельзя настаивать на соответствии сюжета историческим сведениям. Неожиданностью здесь является то, что на абсолютной подлинности и достоверности настаивает сам Марин Минку, например, в интервью Кристиану Теодореску несмотря на то, что роман, несомненно, является мистификацией. Вместе с тем, автор щедро цитирует подлинные средневековые тексты, связанные с Дракулой. Всё дело в том, что автор создаёт новый миф о Дракуле, альтернативный бытующему мифу.

Умберто Эко принадлежит такой афоризм: «Автору следовало бы умереть, закончив книгу. Чтобы не становиться на пути текста». Но Марин Минку не собирается умирать, поведение автора – часть презентации романа-мистификации. Или частью мистификации является книга.

Ключевые слова: *роман-мистификация, авторская позиция, образ героя, проблематика, презентация, рецепция, Средневековье, Возрождение, дневник Дракулы.*

AUTHOR›S POSITION AND PROBLEMS IN MARIN MINCU'S NOVEL „DRACULA'S DIARY"

The novel is a diary of Vlad Dracula containing childhood memories, correspondence with Pope Pius II, reflection, aphoristic statements about the world and much more. According to the plot of the novel, the diary was written in the medieval Wallachian language, but the text of the novel was created in the modern literary Italian (Tuscan) language and only 14 years later was translated into modern Romanian. Of course, the authenticity of the diary is a convention that the reader must take on faith, because the novel is not a historiographic study, one cannot insist on the correspondence of the plot to historical information. The surprise here is that Marin Mincu himself insists on absolute authenticity and credibility, for example, in an interview with Cristian Teodorescu, despite the fact that the novel is undoubtedly a mystification. At the same time, the author generously quotes authentic medieval texts related to Dracula. The whole point is that the author creates a new myth about Dracula, an alternative to the existing myth.

Umberto Eco has this aphorism: „The author should have died after finishing the book. In order not to get in the way of the text". But Marin Mincu is not going to die, the author's behaviour is part of the presentation of a mystification novel. Or part of the mystification is the book.

Keywords: *mystification novel, author's position, hero's image, problematics, presentation, reception, Middle Ages, Renaissance, Dracula's diary.*

Влад Дракула, заключённый подземной пещеры над Дунаем, пишет дневник между 2 февраля 1463 года и 28 августа 1464 года. В дневнике вспоминает свою легендарную судьбу, полемизирует с Папой Пием II, вспоминает своих друзей - Козимо Медичи, Марсилио Фичино, Николая Кузанского. Опороченный и брошенный сильными мира сего, Дракула создаёт собственную легенду о себе. По замыслу автора романа, Влад решил довести до абсурда слухи и выдумки о себе, чтобы показать их нелепость, и стал сочинять небылицы: «Я собираюсь помочь всем в этой всеобщей кампании против меня. Я придумаю несколько историй, полных отвратительной жестокости, и буду обильно питать бремя лжи, которую вкладывают мне в уста. Я сам буду изобретателем самых чудовищных дел, которые обо мне будут рассказывать» [6, p. 23]. В качестве творчества Дракулы в тексте романа

полностью приведены на языках подлинников и в переводе на итальянский язык средневековые немецкие памфлеты [13], «Сказание о Дракуле воеводе»[15] и многое другое (не смущаясь тем, что «Сказание» было написано лет через десять после смерти Влада).

Роман Марина Минку представляет собой дневник Влада Дракулы, содержащий воспоминания детства, переписку, рефлексию героя, философские размышления, афористичные высказывания о мире и многое другое. По фабуле повествования дневник был написан на средневековом валашском языке (мы не будем говорить о том, что в XV веке никто не писал на валашском, и что жанр дневника не соответствует эпохе), однако текст романа создавался на современном литературном итальянском (тосканском) языке и только через 14 лет был переведён на современный румынский язык. Разумеется, подлинность дневника - условность, которую читатель должен принять на веру, ибо роман не является историографическим исследованием, нельзя настаивать на соответствии сюжета историческим сведениям. Неожиданностью здесь является то, что на абсолютной подлинности и достоверности повествования настаивает сам Марин Минку (например, в интервью Кристиану Теодореску [6, p. 265]), хотя роман, несомненно, является мистификацией. «Читатель, который предполагает обнаружить здесь привычного Дракулу готических романов, может воспринять роман как сенсационный. На самом деле для таких читателей сенсационной становится в первую очередь историческая информация (реальные документы, использованные в книги без ретуши), если подобный западный читатель не владел ею ранее, или, во всяком случае, не владел полностью. Подлинные хроники, как известно, бывают во много раз более сенсационными, чем нелепые вымыслы (и далее обширный фрагмент такого рода [6, p. 269-270].»

Умберто Эко принадлежит такой афоризм: «Автору следовало бы умереть, закончив книгу. Чтобы не становиться на пути текста.» [16, p. 427]. Однако Минку не собирается умирать, он желает лично участвовать в представлении - поведение биографического автора становится частью презентации романа. Или же книга становится частью мистификации.

Прежде чем говорить об авторской позиции и проблематике романа, обратим внимание на образ Дракулы, созданный Минку, и меру его соответствия представлениям историков о реальном Владе III Басарабе. Если исторический Дракула был набожным валашским средневековым правителем, то Дракула из романа – человек эпохи Возрождения, католик и практически итальянец. Жизнеописание персонажа соответствует такому образу – Дракула Минку был воспитан в католицизме, много времени провёл в Италии, где участвовал в рыцарских турнирах (запрещённых для православных), свободно говорил на итальянском, латинском, немецком, чем вызывал смертельную зависть у невежественного Стефана III Мушата и полуграмотного Матвея Корвина, который ещё мог как-то поддержать разговор на несложные темы, однако терпел многочисленные поражения в рыцарских турнирах. Дракула же успешно участвовал в ристалищах, вёл горячие дискуссии с Николаем Кузанским [6, p.149], и даже принял участие в известном Ферраро-Флорентийском соборе [6, p. 115]. Всё это происходило по версии автора в 1448 году, когда Янку де Хунедоара отправил Влада вместе с Матвеем и Стефаном в путешествие для знакомства с великими европейскими дворами.

Несложно убедиться, что версия Минку фантастична. В 1448 году Матвей Корвин не мог участвовать ни в рыцарских турнирах, ни в философских беседах, поскольку к тому времени ему было пять лет. Собственно, и Ферраро-Флорентийский собор закончился до рождения Матвея Корвина, и ни Влад, ни Стефан, ни Матвей не могли в нём участвовать, да и не должны были – никто из них не был духовным лицом высокого ранга. Тексты писем к Папе Пию II тоже выдумка (странно, что Минку не сочинил переписку Дракулы с Франсуа Вийоном), как и многое другое. Особенно удивительно, что Минку неверно указывает дату смерти Дракулы - 1478 год [6, p. 13] (в реальности 1476).

Из «Дневника» следует, что Дракула ответил согласием на предложение султана перейти в ислам «Как однажды я перешёл из православия в католицизм, когда мой отец должен был войти в Орден Дракона, мне не было тяжело принять это предложение» [6, p. 102], чего в реальности не было и не могло быть – правитель Валахии не мог быть католиком, именно поэтому переход в католицизм не был условием вступления отца Влада в Орден Дракона.

Есть ещё множество мелочей, которые неподготовленный читатель может и не заметить. В пе-

риод позднего Средневековья самым большим городом Европы был Константинополь, культурное значение которого превосходило роль небольшого и захудалого к тому времени Рима. Престиж молодых итальянских языков (флорентийского, венецианского, неаполитанского, сицилийского) в XV веке был невысоким в сравнении с положением греческого и латыни. Влад не мог хвастаться знанием «итальянского», это явный анахронизм.

Из интервью Теодореску [6, p. 266] видно, что Минку воспринимал роман Стокера как провокацию: «Почему румынскую культурную историю следует определять таким неестественным брендом, как вампиризм, и почему мы не должны добиваться места в восприятии других с помощью, казалось бы, более аутентичных творческих брендов?»

Это заявление выглядит довольно наивно, если, конечно, можно относиться серьёзно к декларациям Минку. Сочинения о вампирах бытовали в Европе задолго до Стокера (трактат Антуана Огюстена Кальме (1672-1757) [12]) и не были никак связаны с валахами. Абрахам (Брэм) Стокер был человеком чопорной викторианской эпохи и роман о вампирах был всего лишь формой, позволившей ему, не нарушая общественной морали, дать невзыскательному читателю эпизоды эротики, мистики, жестокости. О Дракуле Стокер знал совсем немного, и ещё меньше о «румынской культурной истории». Марин Минку, кажется, понимал это и называл творчество Брэма Стокера «прискорбным» [6, p. 18]. Было бы нелепо воспринимать как вызов сочинение человека, не имеющего ни малейшего представления о румынской культуре. Собственно, итальянскому читателю подобного рода переживания безразличны, но надо учитывать, что интервью Кристиану Теодореску предназначалось румынскому читателю. И если бы роман был переведён на другие языки, то, мы, возможно, могли бы наблюдать новые виды мистификации.

Итак, вместо православного, средневекового валашского правителя, Минку желает видеть Влада представителем итальянского Возрождения, воспитанного в католицизме. Зачем же автору именно такой Дракула? Как такой образ героя связан с проблематикой произведения? Декларации Минку абсолютно фантасмагоричны: «Через Дракулу валахи присоединяются к участию в освобождении титанической индивидуальности, предлагаемом возрожденческим мировоззрением» [6, p. 268]. Собственно, это и есть проблематика произведения. Совершенно не важно, что на Балканах и в большинстве восточнохристианских стран не было признаков эпохи Возрождения ни в XV веке, ни позже: в странах восточного христианства закат Средневековья сменялся Барокко [14, p. 156]. Задачей автора было показать обратное.

Другими словами, Марин Минку создавал новый миф о Дракуле, альтернативный бытующему мифу о кровожадном вампире, но тоже вполне апокрифический, и никакие несоответствия, нестыковки, несуразности его не волновали. В преамбуле к роману автор делает следующее замечание: «Новый роман о Дракуле не мог бы существовать иначе как при условии абсолютной верности истории» [6, p. 9]. И Минку действительно удалось убедить не только простого читателя, но и множество критиков (не будем указывать их имена), что Дракула действительно был другом Козимо Медичи и участвовал в рыцарских турнирах.

Переводчик французского издания романа Анка-Домника Илеа находит оправдание Минку в том, что история, как и сама реальность, эластична, это наименее точная наука, интерпретация, где конкретное событие может выглядеть по-разному в зависимости от субъективности повествующего и идейно-политической установки эпохи [4, p. 7]. История, безусловно, эластична, но всё же не настолько. Георге Попеску [7] менее склонен к политесу: «Для современного писателя factum verbum est, как и истина, впрочем. Автор «Дневника Дракулы» это прекрасно знает и, кроме того, он прекрасный манипулятор».

Каким же получился образ Дракулы, является ли этот ницшеанский сверхчеловек личностью эпохи Возрождения? Дракула из романа получился человеком вполне современным или, если быть точным, некоторой химерой – ухо кошки, хвост козы. Но массовый читатель эти ошибки и анахронизмы может и не заметить, что румынский, что итальянский. И не вполне ясно кто же читатель Минку. По мнению Пьеро Бигонджари, автор – поэт, семиолог – написал книгу, которая должна понравиться писателю и семиологу, вроде Умберто Эко: «книга, в которой соприкасаются и путаются крайности:

от самой извращенной деградации до несчастливой иллюзии величия» [2, p. 226]. Любопытно также высказывание Николае Ляху о том, что Марин Минку себе интереснее, чем всевозможные собеседники вместе взятые [5, p. 116].

Дракула из романа не получился ни человеком Средневековья, ни человеком Возрождения: при внимательном изучении текста становится ясно, что «Дневник Дракулы» принадлежит автору второй половины XX века.

Человек Возрождения, как и человек Средневековья, не был равнодушным к религии. Человек прошлого постоянно ходил по лезвию ножа: проявить ли благочестие в ущерб земным интересам, или согрешить, рискнув судьбой бессмертной души, но не умереть с голоду. Сотериологические, эсхатологические переживания непрестанно преследовали его [11].

А Дракула в дневнике пишет: «Кто-то или что-то установил, что человек не должен совокупляться с животными, а я нарушил этот негласный запрет» [6, p. 101]. Почему же негласный? И в Ветхом, и в Новом завете есть запрет на совокупление с животными, странно было бы не знать об этом такому образованному христианину. Другой пример: «я отрицаю всякую абстрактную мораль» [6, p. 93] – но для средневекового человека мораль не могла быть абстрактной, эта фраза лишена смысла. Некоторые высказывания Дракулы могут восприниматься как прямое неверие и даже богохульство: «я не могу преклоняться перед Богом, если я не уверен, что он меня спасёт» [6, p. 191]; «правда, что, когда я сажал кого-то на кол, мне казалось, что я превыше Господа» [6, p. 132]. Любая из этих фраз несовместима с сознанием религиозного человека, даже современного.

Для средневекового человека крайне значимой была принадлежность к правильному вероисповеданию, важной была принадлежность к определённому сословию, и значительно менее важной – языковая или национальная принадлежность. Герой романа – полная противоположность: он невежественен в простых вещах, известных каждому христианину, но озабочен национальным вопросом («разбудить валашское сознание» [4, 86], что является очевидным анахронизмом.

Дракула пишет: «я бы хотел, чтобы после меня кто-то мог имитировать меня, или хотя бы однажды прожить мою архетипическую роль» [6, p. 86] - но слово «архетип» впервые появилось только в XIX веке, а в юнговском смысле – в первой четверти XX века. В другом месте дневника Дракула говорит о «невероятной красоте наших басен, песен» [6, p. 59], хотя интерес к фольклору проявился в Европе довольно поздно, не раньше XIX века. И подобных анахронизмов довольно много: «экзотерический сценарий рождения Иисуса» [6, p. 85], «монструозность насильственных поступков привнесена трансцедентально» [6, p. 133], «патологическая одержимость» [6, p.60], «каталептическое состояние» [6, p. 89], «эвтаназия» [6, p.77], «контакт с другими цивилизациями» [6, p.190], «отрицательный герой» [6, p. 56], «выдуманная идентичность» [6, 60], «моё Я» - этих понятий в XV веке не было ни в одном языке мира.

В дневнике довольно много натуралистических сцен, эпизодов изнасилований, извращений, инцестуальных переживаний, которые могли быть описаны не раньше XX века.

Разумеется, никто не требует от автора следовать исторической правде, речь идёт о художественной условности, но и в этом случае не должны нарушаться правила игры; пространство романа, внутренний мир произведения должны существовать в некоторой, пусть очень условной логике.

Если бы задачей автора действительно была «реабилитация» Дракулы в глазах читателя, то следовало бы спросить – какого именно? Исторического Дракулы (что бы это ни значило), «Дракулы из романа», стокеровского Дракулы? И в чьих глазах его предполагалась реабилитировать – Марина Минку, Брэма Стокера, итальянского, французского, румынского читателя?

Исторического Дракулу можно судить только по законам его времени, современный массовый читатель Дракулу ни прощать, ни судить не может. У каждого времени свои истины и свои заблуждения. И чтобы научиться понимать, нужно смотреть в прошлое без осуждения или раболепия, не навязывая времени собственные заблуждения. И свои истины.

Серджио Дживоне [3, p. 229] назвал роман историей масок, которые выбирает Дракула, или которые Дракула присвоил на протяжении истории. Но и автор романа является совершенно сознательным мистификатором и не желает снимать маску даже во время интервью.

Литература:

1. BAGIU L. V., *Death and immortality in ,,Dracula's Diary": readings through ,,Corpus Hermeticum"*. In: *Swedish Journal of Romanian Studies,* Vol. 6 No. 1 (2023). Disponibil: https://www.researchgate.net/publication/370800284_Death_and_immortality_in_Dracula%27s_Diary_readings_through_Corpus_Hermeticum
2. BIGONGIARE P., *Redesteptarea la viata a unui erou sado-masochist*. In: *Mincu M., Jurnalul lui Dracula*, Iasi, Polirom, 2004, 280 p. ISBN 973-681-824-1.
3. GIVONE S., *Dracula și Faust*. În: *Mincu M., Jurnalul lui Dracula*, Iasi, Polirom, 2004, 280 p. ISBN 973-681-824-1.
4. ILEA D., *AvaNnt-propos*. În: *Mincu M., Journal de Dracula*, Éditions Xenia, 2018. ISBN: 978-2-88892-217-9. Disponibil: http://www.orizonturiculturale.ro/ro_proza_Marin-Mincu.html [Accesat: 03.11.2023]
5. LEAHU N., *De ce iubim literatura.* În: *Metaliteratură,* anul X, nr. 1-4(23-24), Institutului de Filologie al AŞM, 2010, p. 115-124, 277 p. ISSN1857-1905.
6. MINCU M., Jurnalul lui Dracula, Iasi, Polirom, 2004, 280 p. ISBN 973-681-824-1.
7. POPESCU G., *Un ,,jurnal" textualizant al lui Dracula sau o poveste postmodernă a lui Vlad Ţepeş*. Disponibil: https://www.mondotexte.0n.ro/08.10.2021/un-jurnal-textualizant-al-lui-dracula/ [Accesat: 03.11.2023]
8. SCARPATETTI B. M. v. *Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen*, Bd. 1: Abt. IV, Codices 547-669.
9. ZIMMERMANN F., WATTENBACH W. *Über den walachischen Woiwoden Wlad IV*. In: *Archiv des Vereines für siebenbürgische Landeskunde N.F. 27 (1896),* s. 331-343.
10. БЕХАЙМ Михаэль. *Дракул-воевода* // Стокер Брем, «Дракула», М, «Энигма», 2010, 640 с., стр. 501. ISBN 978-594698-038-8.
11. ГУРЕВИЧ А. Я., *Категории средневековой культуры*, М.: Искусство, 1984, 350 с.
12. КАЛЬМЕ О., *«Трактат о Явлениях Ангелов, Демонов и Духов, а также о Привидениях и Вампирах в Венгрии, Моравии, Богемии и Силезии»*, Москва, «Саламандра», 2013, 338 с. ISBN 978-5-4481-0945-4.
13. КАШПЕРСКАЯ А. П. *Эволюция языка и жанра в немецких текстах XV века о валашском князе Владе III*, М., МГУ, 2015, стр. 152.
14. ЛИХАЧЁВ Д. С. *Человек в культуре древней Руси*. Москва, Наука, 1970.
15. *Сказание о Дракуле воеводе.* В: *Библиотека литературы Древней Руси,* Т 7, СПб, Наука, 1999, 582 с. ISBN 5-02-028361-4, с. 460-472.
16. ЭКО УМБЕРТО, *Имя Розы*, М,: Книжная палата, 1989. ISBN 5-7000-0614-0, 496 с.

Date despre autor:
***Oleg TALMAZAN*,** doctorant, Scoala doctorala Filologie, Universitatea de Stat „Alecu Russo" din Bălți.
E-mail: luja@mail.ru
ORCID: 0009-0005-5761-1878

Prezentat la 04.12.2023